

Šindelář, Konstantin

**Перевод избранных частей романа "Трудно быть богом" на
английский, немецкий и чешский языки**

Новая русистика. 2013, vol. 6, iss. 2, pp. [25]-40

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/129888>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Константин ШИНДЕЛАРЖ
(Брно)

Перевод избранных частей романа «Трудно быть богом» на английский, немецкий и чешский языки

Problems in Translations of Selected Passages of Strugatsky Brothers' Novel "Hard To Be A God" into English, German and Czech

The author of the present article occupies himself with translations of *Hard To Be A God* novel, one of the most famous works of Strugatsky brothers, into English, German and Czech. He briefly describes the novel itself and afterwards depicts specific style and means of expressions that make the translation of this book (as well as other Strugatsky brothers' books) difficult and troublesome. Next, the profiles of all three translators are being examined – their short biographies are presented and their careers are briefly described. The main part of this article deals with problematical passages; many examples are given, of where the translations are inaccurate and far from original. The author is brought to the conclusion (which is being supported with many elements of the translation itself) that the English translator, Wendayne Ackerman, simply couldn't translate the book from Russian original, since she was mainly a Germanist and didn't know Russian. It is therefore more than likely that it was not the Russian original, but the German translation (created a bit earlier) that served as source text for the English translation (which has led to many additional discrepancies and mistakes). Moreover, the author

finds all examined translations to be far from perfect (though each of them has a different level of quality), changing the overall impression and making the result much shallower and unimaginative than the original text.

Key words: Arkady Strugatsky; Boris Strugatsky; *Hard To Be A God*; literary translations; Soviet science-fiction; Strugatsky brothers; translation to Czech; translation to English; translation to German; Wendayne Ackerman

Данный текст посвящен критическому разбору переводов романа Аркадия и Бориса Стругацких «*Трудно быть богом*» на чешский, английский и немецкий языки. Я сосредотачиваюсь на переводе специфических терминов и сложных отрывков и даю оценку общему впечатлению от текста и его верности подлиннику. Стимулом для написания этой статьи мне послужило заявление самого Бориса Стругацкого: «Аркадий Натанович хорошо знал английский и неплохо знал японский – и он был очень невысокого мнения о девятиста процентах переводов наших вещей... Переводы страдают буквализмом, они очень примитивны, более того – Аркадий Натанович находил десятки просто бессмысленных дурацких ляпов, когда человек просто не понимал того, что он переводит».¹ Проверка правдивости этого утверждения и стала краеугольным камнем, на котором я построил свою работу.

Что касается самого романа «*Трудно быть богом*», то, вероятно, не имеет смысла его подробно представлять, так как он до сих пор является одной из самых любимых книг братьев-писателей (и не только в России, но и за ее пределами). Он был написан в напряженное время (в 1964-м году), хотя обстоятельства его возникновения были совершенно недраматическими; на самом деле ему даже удалось избежать серьезных поправок со стороны советской цензуры. На одном из своих семинаров в 90-х годах прошлого века Борис Стругацкий рассказал,

1 СТРУГАЦКИЙ, Б. Н.: *Главное – преодолеть высокомерие западного читателя*. Интеркомь, 1/1992, с. 63–64.

что для него с братом поводом к написанию романа послужило выступление Н. С. Хрущева на выставке модернистов в Манеже. Стругацкие тогда открыли для себя, что страной «правят тупые бездарные хамы, враги культуры и красоты...» Результатом стала книга, написанная в гневе, на одном дыхании, – и ярость эта хорошо видна в разных частях произведения.

В творчестве Стругацких не так трудно найти несколько центральных тем, которые затрагиваются почти во всех написанных ими книгах; однако значение, придаваемое этим темам, резко зависит от конкретного романа или повести, причем важен еще и период возникновения данного произведения. Во время написания *«Трудно быть богом»* такой основной темой было т. н. «прогрессорство» – этот выдуманный братьями термин обозначает вмешательство членов более развитого общества (т. е. землян из коммунистического будущего) в жизнь менее развитых обществ (т. е. жителей дальних планет) и воздействие на их естественное историческое развитие. В романе *«Трудно быть богом»* сотрудники т. н. Института экспериментальной истории, выдавая себя за местных жителей, действуют на средневековой планете Арканар, пытаясь спасти лучших представителей местного человечества от физической (и моральной) ликвидации. Но так как им строго запрещено использовать силу, их старания далеко не всегда увенчиваются успехом: на одного спасенного приходится десятки или даже сотни погибших. Поэтому земляне стоят перед нелегким выбором: все-таки вмешаться и навсегда и бесповоротно изменить течение истории Арканара, или только безучастно наблюдать, как деспотический режим убивает ученых, художников и поэтов.

Антон, главный герой романа, выступающий на планете в роли аристократа Руматы, наконец вопреки всем предупреждениям со стороны более опытных коллег не в силах просто наблюдать. Также, как и некоторые другие сотрудники Института, он поддается давлению обстоятельств и начинает решать проблемы Арканара с оружием в руках. Но хотя все подобные срывы отдельных лиц (если их так возможно назвать) до сих пор вызывали одни лишь бедствия и ничего не улучшали, Стругацкие несколько не скрывают ни свою симпатию к таким людям, ни свое понимание их поступков. Для писателей это –

напоминание о том, что даже самый добрый и гуманный человек (именно такими являются земляне будущего) всегда останется лишь человеком, а не роботом; да, он способен стерпеть очень многое, но не все. Одного только разума недостаточно, и многое в нас находится за пределами логических рассуждений; поэтому необходимо всегда считаться с эмоциями, с чувствами «прогрессоров» – иначе даже чисто гуманные принципы могут в определенных условиях стать бесчеловечными.

Надо отметить, что роман идет по стопам ранее написанной новеллы «Попытка к бегству», но он гораздо более откровенен и беспощаден. Под видом средневекового королевства на сцену вполне очевидно выведена сталинская империя. Главного врага землян, который жестоко уничтожает все, что могло бы принести свет и прогресс, зовут Рэба; в первой версии текста его даже звали Рэбия, но редакторы попросили сделать намек на Берию не столь явным. Более того, Стругацкие создали гибридную империю, собранную из средневековых и объединенных сталинско-гитлеровских реалий нашего времени. Результатом является чрезвычайно остросюжетная книга, которая обнажает кровное родство двух тоталитарных режимов XX века и их чудовищную варварскую сущность.

Некоторые критики порицают братьев Стругацких за то, что в отношении слога и выбора языковых средств их книги (в особенности произведения раннего периода) не имеют четкого авторского стиля. Они утверждают, что произведения Стругацких – это абсолютно правильные фразы, состоящие из абсолютно правильных слов и оборотов (как будто мы имеем дело с «переводом с русского на русский»), и что использованному ими языку не хватает своеобразности. В некоторой степени с этим можно и согласиться, однако надо возразить, что братья в данном периоде своего творчества относились к языку не как к некоему микрокосму, а просто как к системе символов для точной передачи информации. Может возникнуть впечатление, что перевод написанного таким образом произведения не должен быть сложным, но наше исследование выявляет обратную картину. Проблема заключается в крепкой связи языка Стругацких с колоритом эпохи – ведь и сами Стругацкие характеризовали свою манеру литературного

высказывания как «язык улицы»; и связь эту очень трудно приемлемо переработать и перевести. Далее, имеет место сильный оттенок «русскости», явления на самой грани объяснимости, которое проявляется в весьма специфичном выборе выражений, речи отдельных героев и общей ритмикой текста. Именно эта «русскость», как будет показано, в отдельных переводах теряется в большей или меньшей мере. С другой стороны, остается под вопросом, возможно ли вообще нечто столь трудно определяемое успешно перевести на другой язык (причем я лично думаю, что нет), так что эта потеря, вероятно, просто неизбежна.

Разыскивая книгу, перевод которой я хотел бы более подробно рассмотреть, я наконец остановил свой выбор на «Трудно быть богом» не только потому, что, как уже было сказано, это известный, популярный и часто переводимый роман (среди произведений братьев Стругацких его, что касается количества переводов, превосходит разве что «Пикник на обочине»). Самое главное – это то, что, с точки зрения всего вышесказанного, речь идет о весьма типичном произведении, написанном именно так, как авторы в данном периоде своего творчества писали. Что касается рассматриваемых языков, то я, конечно, был ограничен собственной языковой компетентностью, а также самими книгами, которые я имел в своем распоряжении; однако, я могу оправдать свой выбор тем, что английский и немецкий – весьма распространенные языки (с большим количеством возможных читателей), в то время как чешский является языком славянским, находящимся в родстве с русским (а переводы с одного родственного языка на другой, как известно, нередко бывают коварными и полными неожиданных трудностей).

Эту вступительную часть я хотел бы закончить признанием, что стимулом для написания этого текста мне послужило не только заявление Бориса Стругацкого, но и статья Владимира Борисова,² в которой он, между прочим, утверждает, что перевод романа «Трудно быть богом» на английский по ряду косвенных признаков был сделан

[29]

2 БОРИСОВ, В. И.: *Обстряхнутся ли выстрелы*. Полный текст статьи доступен, например, на сайте <http://www.rusf.ru/abs/rec/reco2.htm>.

не с русского текста, а с другого перевода (на немецкий язык). Того же мнения придерживаются и несколько других авторов, хотя ни один из них не приводит ясных, неоспоримых доказательств. По этой причине я во время написания статьи уделял чрезвычайное внимание сходствам между немецким и английским текстом, и могу сказать заранее, что это принесло весьма любопытный результат.

Переводы и переводчики

В этой части я кратко опишу, какие именно переводы стали исходными точками моей работы, после чего обращу внимание на самих переводчиков, попытаюсь отыскать в их личных данных что-нибудь, что могло бы каким-либо образом повлиять на переведенные тексты.

Итак, я работал со следующими тремя книгами:

- ЧЕШСКИЙ ЯЗЫК: Arkadij a Boris Strugačtí: *Je těžké být bohem*. Triton, Praha 2013; перевод: Jaroslav Piskáček (1973);
- НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК: Arkadi und Boris Strugatzki: *Es ist nicht leicht, ein Gott zu sein*. Ullstein, Frankfurt am Mainz – Berlin 1990; перевод: Hermann Buchner (1972);
- АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК: Arkadi and Boris Strugatski: *Hard To Be A God*. Eyre Methuen, London 1975; перевод: Wendy Ackerman (1973).

Если говорить о чешском переводе, то видно, что я использовал новейшее чешское издание; но мне известно, что сам текст за все годы со времени первого издания совершенно не изменился. Существует только один перевод романа «Трудно быть богом» на чешский, автор – Ярослав Пискачек; этот текст используется во всех последующих чешских изданиях, в том числе и в новейшем. Перевод на английский также один единственный, хотя книга издавалась разными издательствами, причем не только в США, но и в Великобритании. Что же касается немецкого языка, то кроме использованного мною «западно-немецкого» перевода Германна Бухнера существует еще и «восточно-немецкий» перевод (1975-го года), автором которого является Арно Шпехт (Arno Sprecht). Его, к сожалению, не было в моем распоряжении, однако надо заметить, что этот перевод далеко не столь известный и распространенный.

Что касается личных данных самих переводчиков, то переводчик на чешский *Ярослав Пискачек* (1929–1991) после окончания Философского факультета пражского Карлова университета работал редактором в издательстве «*Naše vojsko*»; в 80-х годах прошлого века он переводил сценарии для киностудии «Баррандов». Однако большую часть жизни он все же переводил книги исключительно с русского языка, в особенности прозу (между прочим, он был переводчиком большинства романов и новелл братьев Стругацких).³

Переводчик на немецкий *Германн Бухнер* (1941) является довольно известным музыкантом, изготовителем и настройщиком роялей; однако он еще и славист, автор нескольких научных статей о советской литературе и не в последнюю очередь переводчик с русского языка. Кроме «*Трудно быть богом*» он перевел на немецкий еще один известный роман братьев Стругацких – «*Понедельник начинается в субботу*» («*Montag beginnt am Samstag*»).

Переводчица на английский *Уэндейн Акерман* (1912–1990) была немкой еврейского происхождения, которая провела большую часть жизни в Соединенных Штатах, куда она приехала вскоре после окончания Второй мировой войны; она была вузовским педагогом (преподавала в основном историю немецкой и французской литературы), а также переводчицей нескольких сотен книг (не только с немецкого, но и с французского и итальянского языков, а также с языка иврит). Ее супруг, *Форрест Джэймс Акерман* (1916–2008) был американским чрезвычайно активным любителем научной фантастики и ее большим коллекционером.

Исходя из личных данных переводчиков, видно, что мы имеем дело с чрезвычайно опытными специалистами; по крайней мере полные библиографии Ярослава Пискачека и Уэндейн Акерман весьма и весьма внушительны. Тем не менее, важно отметить одну очень важную деталь, касающуюся Уэндейн Акерман – она НЕ БЫЛА переводчицей русского языка. Ее специализацией была прежде всего

3 Текст (с незначительными изменениями) взят с сайта чешской «Общины переводчиков» – *Obec překladatelů* (http://www.obecprekladatelů.cz/_ftp/DUP/P/PiskacekJaroslavSr.htm)

германистика, причем русского языка (по крайней мере, судя по информации, которую я смог о ней отыскать) она совершенно не знала. Это значит, что указание в английском переводе «*Hard To Be A God*», что в качестве «original edition» послужило русское издание «*Трудно быть богом*», недостоверно. На основании множества сходств, некоторые из которых будут описаны в следующей части, можно практически со стопроцентной уверенностью заявить, что текстом-источником для перевода на английский послужил немецкий перевод Германна Бухнера, который возник и был издан всего лишь годом раньше.

Ошибки и сложные отрывки

В этой части я обращаю внимание на слова, словосочетания и отрывки, при переводе которых у переводчиков возникли наибольшие трудности. Конечно, этот обзор нельзя считать ни полным, ни слишком упорядоченным; его цель – продемонстрировать хотя бы некоторые места, где переводы (в той или иной степени) отклонились от подлинника.

«Министерство охраны короны», во главе которого стоит дон Рэба, в переводе на чешский становится «*ministerstvem ochrany trůnu*» – это хотя и почти буквальный, но все-таки вполне подходящий перевод. Немецкий выбрал довольно длинное и коряво звучащее «*Sicherheitsministerium – „zum Schutze der Krone“, wie es hieß*» (с. 84), а английский, очевидно исходящий из немецкого, даже растянул это название на «*Ministry of Internal Security for the Protection of the Crown*» (с. 82), причем в этом переводе время от времени используются сокращенные варианты «*Ministry of Internal Security*» или «*Ministry for the Protection of the Crown*».

Ни одному из переводчиков не удалось полностью понять значение выражения «серые штурмовики», которым в книге обозначаются члены отрядов дон Рэбы – бойцы в серых одеждах. Хотя это название явно намекает на нацистские штурмовые отряды (*Sturmabteilung, SA*), причем в романе они играют схожую роль, даже переводчик на немецкий называет их «*die Männer der grauen Miliz*» (с. 20), или даже просто «*die Sturmowiki*» (с. 48), совершенно упуская термин «*Stoßtrup-*

pen».⁴ Эту ошибку, конечно же, повторяет и английский перевод, используя «the men of the Gray Militia» (с. 16) или «Sturmoviks» (с. 22). Чешский переводчик, хотя и отказывается от дословного перевода, называя штурмовиков «vojáci šedých oddílů» (с. 25) или «příslušníci šedého úderného oddílu» (с. 30), но соотношение с нацизмом тем не менее теряет почти полностью. Гораздо более подходящим было бы использование названия «(šedí) úderníci»; ведь это выражение на чешском обозначает не только передовиков на производстве.

Интересна судьба «доброе боевое устройство», упоминаемого сразу же в первом абзаце книги. Чешский текст первоначально правильно называет это «доброе боевое устройство в стиле маршала Тоца, короля Пица Первого» «starý dobrý samostříl z doby maršála Toce, pozdějšího krále Pice I.» (с. 9), однако несколькими страницами позже Антон-Румата совершенно бессмысленно шагает «se starou dobrou zbrojí maršála Toce přes rameno» (с. 13), хотя речь идет все о том «доброе боевое устройство». Немецкий переводчик говорит об оружии несколько уклончиво, как о «eine solide Kampfausrüstung im Stil des Marschalls Totz» (с. 5), что еще можно понять, однако английский совершенно бесцеремонно превращает его в аркебузу (с. 1), несмотря на тот факт, что Антон несколькими страницами позже стреляет из него стрелами.

Не только чешский, но и немецкий и английский переводы приводят название корчмы, владелец которой – некий Скелет Бако. Однако в подлиннике нет никакого упоминания об этом названии – здесь только «...сквозь кустарник мелькнули огоньки корчмы Скелета Бако», хотя на чешском мы находим «světla krčmy U Kostlivce Baka» (с. 29), на немецком «die Lichter der Schenke Zum Skelett Bako» (с. 24) а на английском «lights... coming from the inn called Bako's Skeleton» (с. 20).

Ни один из переводчиков не сумел справиться с парой «Благорасстворение» и «Смердуны» (новое, «возвышенное», и прежнее название

4 Конечно, есть основание предположить, что переводчик отказался от этого термина из, так сказать, идеологических соображений – события в Арканаре и без того слишком явно напоминали о тридцатых годах прошлого века в Германии.

одного из арканарских хуторов). В русском языке «благорастворение воздуха» означало хорошую, приятную погоду, поэтому тут нет прямого противопоставления, однако переводчики использовали антонимы: «Voněny» (с. 36), «Wohlgestank» (с. 31) и «Sweet Stench» (с. 27) (заметьте, что в немецком и английском тексте мы почему-то имеем дело со «Сладким зловонием»), и «Smrdáky», «Pestflecken» (как ни странно, «пятна на коже человека, заболевшего чумой») и, по совершенно уже неизвестной причине, «Dung Heap».

«Тушенный с черемшой крокодил», которым лакомятся участники одного пиршества, в переводе на чешский «*dušený krokodýl na česneku*» (с. 94), что, по-моему, достаточно точно, хотя черемша, конечно, не обычный чеснок. Зато немецкий со своим «жарким величиной со среднего крокодила» – «*einen Braten von der Größe eines mittleren Krokodils*» (с. 86) полностью теряет всякую связь с подлинником. Английский, конечно же, сбивается с истинного пути вместе с немецким: «...a roast the size of a half-grown crocodile» (с. 84).

Джеремии Тафнат, в чешском тексте совершенно верно переведенный как «*odborník na dějiny pozemkových reform*» (в подлиннике «специалист по истории земельных реформ»), в немецком и английском переводах стал специалистом «по реформам на планете Земля» – «*ein Specialist für Reformen auf der Erde*» (с. 42), или «*specialist in reforms on Terra*» (с. 38), хотя в контексте это не имеет никакого смысла.

Почему именно Вагу Колесо, главу арканарского преступного мира, в переводе на чешский зовут именно «*Pavéza Rumpál*», нам теперь вероятно уже никогда не узнать; тем не менее, надо по крайней мере оценить стремление перевести это имя, хотя удачность этого стремления весьма сомнительна. В немецком (и, конечно же, английском) тексте ничего подобного сделать даже не попытались, так что этот герой здесь зовется просто «*Waga Koleso*». Впрочем, немецкий и английский переводы даже в случае довольно простых и ясных понятий обычно довольствуются транслитерацией, так что например вместо персонажа по имени Пэрта Позвоночник появляется «*Pert Poswonotschnik*» на немецком (с. 48) и «*Pert Posvonotschnik*» с простым «v» на английском (с. 45). (Чешский переводчик выбрал имя «*Perta Obratel*», с. 53.)

В переводе на немецкий и на английский «скелет фашиста, прикованный цепями к пулемету» становится «скелетом немца» («eines Deutschen» – с. 18 / «of a German» – с. 14). Эта корректность однако совершенно неуместна и даже вводит в заблуждение, так как созданию коммунистического мира будущего, придуманного братьями Стругацкими (т. н. Мира Полудня), предшествовали между прочим войны с довольно туманно определенными фашистами (и эта ссылка – именно на них); поэтому здесь нет особого подтекста, прямой связи с немцами, Третим рейхом или Второй мировой войной.

Непонимание подлинника иногда приводит в немецком (и в английском) тексте к некоторым прямо-таки комическим ошибкам. Так, когда барон Пампа после выпитого пива «слегка осоловел», на немецком он просто «оживленно болтает» – «plauderte dabei munter drauflos» (с. 93) или же «chattering away merrily all the while» (с. 92) на английском. Страницей позже подвыпивший Пампа «улюлюкает», что, конечно, не имеет ничего общего с колыбельными песнями – «sang die Wiegenlieder» (с. 94) или же «sing lullabies» (с. 93). Еще дальше «пышный воротник» донна Руматы превращается в «крепкую шею» – «den kräftigen Hals» (с. 107) или же «strong neck» (с. 106). И аналогичных примеров можно привести еще весьма немало...

Однако, необходимо также отметить, что перевод на чешский, хотя и сравнительно более точный, тоже нередко безуспешно борется с непониманием подлинника. Так, например, описание «здоровый такой, с белыми волосами» становится на чешском «takový ten zdravý kluk s bílými vlasy» (с. 14), хотя вполне очевидно, что речь идет не о состоянии здоровья упомянутого человека (немецкий перевод здесь наоборот весьма аккуратен: «so ein kräftiger Kerl... ein blonder» (с. 10), английский идет по его стопам: «a big, strong guy with blond hair» (с. 6). Далее, «конфидентки» переведены не как «důvěrnice», а как «donašečky» (с. 94) (на немецком правильно «Vertraute» (с. 86), на английском «confidante» (с. 84), между тем как «оборотень» становится «kariéristou» (с. 90). Или же, когда ремесленник, имея в виду своего сына, упоминает, что он «вчера еще его порол», то это не значит, что он ему всего-навсего «vlepil pohlavek» (с. 33); немецкий перевод со своим «Gestern noch habe ich ihm Prügel verpaßt» (с. 28) здесь опять-таки

выполнен чисто, также как и английское «it was only yesterday that I tanned his hide» (с. 24).

Разговор дон Рэбы с Вагой Колесом

Самое, с моей точки зрения, интересное я оставил на конец: разговор министра охраны короны дон Рэбы и преступного главаря Ваги Колеса. Я лично считаю, что именно этот отрывок является самым трудным в работе переводчика над этим романом. Весь диалог ведется на языке, напоминающем уголовный жаргон; но на самом деле Стругацкие исходили не из реально существующего арго, а просто поправили форму и изменили смысл обычных русских слов. Результатом является речь, которая кажется знакомой и сильно напоминает русский язык, но она тем не менее непонятна (хотя местами возможно распознать смысл).⁵

Замечу, что целые поколения читателей старались (причем небезуспешно) расшифровать этот текст, однако сами Стругацкие долго отказывались раскрыть его настоящее содержание (наконец это сделал лишь Борис Стругацкий в 1994-м году, а именно в письме румынскому переводчику Валериану Стойческу).⁶ Пожалуй, нет никакой нужды

5 Весь разговор в сущности представляет собой аналогичную игру слов, как например т. н. «глокая куздра». Эта искусственная фраза на основе русского языка, в которой все корневые морфемы заменены на бессмысленные сочетания звуков, в виде «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка» была впервые предложена советским языковедом первой половины XX века Львом Владимировичем Щербой, однако существует и ряд других ее вариантов.

6 Дословно (БОНДАРЕНКО, С. – КУРИЛЬСКИЙ, В.: *Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг.* Москва, АСТ, 2009. С. 114):

«ВАГА: Мои ребята подготовятся и ночью ударят по штурмовикам. Это – двадцать отборных моих сотен. Хорошо было бы ударить и по дворцовой страже. Но мои ребята на это не согласятся. Таким вот образом давайте и договоримся. Это – наши условия.

РЭБА.: Не слишком-то выгодные условия.

ВАГА.: Это – наши условия. Вам с нами ссориться, вроде бы, ни к чему. По рукам?

напоминать, что для правильного перевода этого диалога (который я здесь привожу полностью) необходима большая порция чуткости и внимательности:

ВАГА: Выстрепаны обстрихнутся, и дутой чернушенькой объятно хлюпнут по маргазам. Это уже двадцать длинных хохарей. Марко было бы тукнуть по пестрякам. Да хохари облыго ружуют. На том и покалим сrostень. Это наш примар...

РЭБА: Студно туково.

ВАГА: Таков наш примар. С нами габузиться для вашего оглода не сrostно. По габарям?

РЭБА: По габарям.

ВАГА: И пей круг.

Перевод на чешский таков (с. 132):

PAVÉZA: Vystrebaní se obstrachnou a dutou černulovkou poterně chlopnou po margazech. To už je dvacet dlouhých chocharů. Marko by bylo tuktout na pestráky. Ale chocharové obligo ružujou. Na tom i pokalým srostem. To je náš primar...

REBA: Studno je tukovo.

PAVÉZA: To je náš primar. Přece se s námi nebudete gabuzit o váš oglog. Gabara?

REBA: Gabara.

PAVÉZA: A pěj krug.

Как видно, чешский переводчик с этим отрывком совершенно не справился, и поэтому отправился по пути наименьшего сопротивления. Перевод является совершенно буквальным, даже каким-то «рабским»; он – всего-навсего транслитерация подлинника, в которой чешский читатель абсолютно не может найти для себя какой-либо

РЭБА: По рукам.

ВАГА.: Ну вот и славно».

утаенный смысл (он может разве что отметить, что текст близок русскому или другим восточнославянским языкам).

Гораздо более интересно осуществлен перевод на немецкий (с. 122–123):

WAGA: Die Murgeln sind verkrochnet, und die Krachstampeln schlurren uns bängs mit aufgequapperten Greumen um die Warreln. Und das sind schon zwanzig lange Zäckerlinge. Krumf und krässig würde ich denen auf die Schnölle schraben. Aber die Zäckerlinge scharmaunern zunklich. Darauf brimstern wir auch unseren Frunke. Das ist unser Beispall...

REBA: Schwurrebar eingebröhmt.

WAGA: Das ist kräpaul unser Beispall. Mit uns zu kruckeln würde ich Ihnen nicht flarren. Also auf Krammscheid?

REBA: Auf Krammscheid.

WAGA: Und schmacks ab.

[38]

Отметьте, что здесь просматриваются корни некоторых слов – «Zäckerlinge», «Beispall», «Krammscheid». В этом тексте уже есть возможность искать (и находить) скрытые значения. Хороша последняя реплика с заметным глаголом «abschmecken» (попробовать, отведать). Это действительно довольно точно улавливает замысел подлинника и способствует тому, что немецкому переводу данного отрывка присущен собственный своеобразный размер.

Английский текст (с. 122–123) остается (и это совсем не удивительно) полностью под влиянием немецкого:

WAGA: The murgles are crockled, and the crackstampers have been slubbing around our warrels with their greems quappered up. And there are twenty long zackerlings by now. Crupply and cressly, I would shrab them right on the snoller, crump over crass. But the zackerlings have a zunker way of sharmauning things. That's why we've been brimsing our frunks. That's our expomple...

REBA: Murbelously brickered out.

WAGA: That is krapul our expomple. I wouldn't flarry that you'd cruckle with us. Well, groosby then?

REBA: Groosby.

WAGA: And smucks off.

Хотя переводчица местами и пыталась разукрасить свой текст некоторыми собственными изменениями (например «expomple» – «example»), влияние немецкого перевода остается настолько сильным, что отбирает у английского текста весь скрытый смысл, так что разгадать его просто невозможно. В английском переводе остались например «zackerlings», слово, звучащее вполне естественно на немецком, но никак не на английском, а также «scruply and cressly», «sharmauning» и т. д.

Резюме

Вопреки всем ляпсусам, многие из которых выглядят без преувеличения по-ученически (и которые могла бы удалить более тщательная работа редактора), я все же склонен считать лучшим (что касается точности и сохранения ключевых идей подлинника) из этих трех переводов перевод на чешский. Лучший по сравнению с другими, конечно, далеко не то же самое что самый хороший, но во всяком случае его можно назвать приемлемым, с читательской точки зрения удовлетворительным. Переводчик наиболее основательно придерживался текста и духа подлинника, причем иногда даже ценой излишней буквальности (например в случае разговора дона Рэбы и Ваги). Возможно, ему помогала и близость чешского и русского языков – не только в том, что касается словарного запаса, но и в общей стилистике и выборе средств выражения.

Перевод на немецкий, безусловно, амбициозный; в определенных своих частях (я имею в виду например некоторые специфические каламбуры) он даже превосходит чешский, если речь идет о изобретательности и находчивости. Увы, в других местах встречаются серьезные

расхождения; иногда у меня даже возникало впечатление, что переводчик не совсем понимал смысл подлинника.⁷

Основанием для перевода на английский послужил перевод на немецкий, и этот факт нельзя оценить положительно. Там, где немецкий перевод ошибается, английский, конечно же, повторяет ошибку; сам он впридачу добавляет свои собственные заблуждения, что приводит к неутешительному результату. Хотя я и не могу полностью осудить этот «перевод», он заключает в себе столько недостатков и настолько отклоняется от подлинника, что, как мне кажется, «Трудно быть богом» заслуживает нового перевода, причем на этот раз прямо с русского языка.

В заключение мне остается только добавить, что заявление Аркадия Стругацкого, цитированное его братом Борисом (а потом и мною в первом же абзаце этой статьи), в значительной мере соответствует действительности, хотя бы по отношению к переводу романа «Трудно быть богом». То, что эта книга получила множество позитивных отзывов и добилась солидного успеха во всех рассматриваемых странах, скорее всего случилось не благодаря качественным переводам, а скорее им вопреки.

[40]

7 Небезынтересно, что упоминаемый Владимир Борисов в своей статье жалуется, что в «западно-немецком» переводе есть существенные пропуски, причем иногда отсутствует по несколько страниц. Должен признаться, что сам я ничего подобного не заметил. Напрашивается объяснение, что этих частей текста не было только в первом издании перевода Бухнера (1972-го года), однако в следующие издания (по крайней мере в мое 1990-го года) они уже были добавлены.